

24 декабря. Лаврентия

Дорогой Борис Исаакович!

Я нахожусь в Лаврентия и, по-видимому, уже никуда отсюда не двинусь. Условия жизни — почти европейские. Если бы еще грели батареи...

Холод в квартире загнал меня в одну из комнат, где я обитаю в обнимку с обогревателем. Есть теплая вода, но иногда что-то случается, и она становится горячей. То ли кочегары просыпаются и подбрасывают угля, то ли они, напротив, засыпают и не следят за приборами, которые зашкаливают. Объяснить трудно, потому что циклы погорячения происходят спонтанно, или, как сейчас принято говорить, непредсказуемо. Еще одна особенность лаврентьевской воды в том, что холодная и горячая — совершенно одинаковая по химическому составу, цвету, запаху и вкусу. То ли горячая доведена до качества холодной, считающейся питьевой, то ли, наоборот, качество холодной понижено до уровня горячей. Во всяком случае, в чайник я набираю горячую воду, чтобы она скорее закипала.

Есть у меня и телевизор, но в Лаврентия показывает только один канал. Иногда смотрю новости. Вовсю идет война в Чечне. Здесь на эту тему не говорят. Кавказ настолько далек, что кажется, будто эта беда происходит не с нами и не у нас. Вот сообщили об очередных боевых вылетах. Сто самолетов ракетами и бомбами утюжат землю, а здесь глава района, стоя на коленях, выпрашивает один борт, чтобы завезти в голодающие поселки продукты, а оттуда вывезти больного. И не видно конца этой войне. Гибнут наши, гибнут чеченцы, которых мы тоже считаем «нашими». Четыреста лет Россия ведет войну с чеченцами. Что нам от них нужно? Территория, которую мы считаем своей и так любим, что жить без нее не можем? Но здесь, на Чукотке, столько этих территорий — брошенных, оставленных, списанных со счетов! Да

если бы вложить в освоение этих безжизненных пространств те деньги, которые мы тратим, чтобы обезжизнить крохотную Чечню, тут был бы рай. Порядок наш хотим на Кавказе установить? Но мы у себя навести порядок не можем, а если наведем, то такой, что сами потом стонем. Действительно, остается воевать с нами или не обращать на нас внимания. Только как не обращать внимание на то, что «растянулось от Берингова пролива до Одера», и уж тем более как с этим воевать?

Сегодня открыл для себя еще одну неведомую и печальную страницу, перекликающуюся с тем, что происходит сейчас на Северном Кавказе...

Пересылаю очерк об исчезнувшем эскимосском городе.

ОТКРЫТАЯ КНИГА О ЗАКРЫТОМ ГОРОДЕ

Считается, что самый крайний населенный пункт Евразии — Уэлен. Но мало кто знает, что еще недавно честь называться самым восточным поселком континента принадлежала эскимосскому Наукану. Это поселение издревна располагалось на мысе Семена Дежнёва. В топонимическом словаре В.В.Леонтьева и К.А.Новиковой сообщается, что Наукан «был одним из самых древних и многолюдных на побережье». Еще сказано, что «в 1958 году науканцы переселились в чукотский поселок Нунямо».

В действительности науканцы не «переселились». Их выселили. Насильно. Бесцеремонно. В приказном порядке. А на месте тысячелетнего поселка осталось лишь пепелище, на которое изредка, преодолевая мыслимые и немыслимые преграды, приезжают рассеянные по Чукотке науканские эскимосы. И, подобно иудеям, оплакивающим свой Храм, смотрят они с отвесной скалы вниз, с печалью и тоской оглядывают побережье, на котором еще недавно находилась их родина. Смотрят, вспоминают и плачут.

Все меньше науканцев остается, и надежды на возвращение, кажется, уже растаяли...

На Чукотке больше ждешь чуда от природы, но здесь чудо творят и люди. И среди таковых — книга «Память о Наукане». Её написала учительница русского языка и литературы Валентина Григорьевна Леонова. Книгу издали в отделе образования, размножив листы, а затем аккуратно их сшив. Тираж — полсотни, и едва ли эту книгу увидят вне Чукотки. К тому же самиздат не имеет регистрационного номера. С формальной стороны — этой книги нет вовсе.

Валентина Леонова родилась в 1961 году в поселке Нунямо, куда переселили часть науканских эскимосов и среди них ее маму, бабушку и дедушку. Наукан отзывался в ней еще в материнском чреве, потому что боль и горечь не покидали переселенцев с тех пор, как они вынужденно оставили свой поселок. Эскимосская девочка росла в среде, которая с каждым годом таяла: одни покидали этот мир навсегда, другие растворялись в нем. Единственной возможностью сохранить память о Наукане оставалось, пока не поздно, расспросить родных, близких, знакомых, записать с их слов предания и легенды, песни и танцы, обычаи и традиции. Валентина решила по крохам собрать историю своего рода и через него — воссоздать историю Наукана. Родные, друзья и знакомые стали ей помогать. Не только науканцы. И, знакомясь с этой книгой, понимаешь: не «населенный пункт» исчез с политической карты. Уничтожена и стерта с лица Земли древняя цивилизация, растоптана самобытная культура, унижена душа мужественного и трудолюбивого народа.

«Наукан — древнейшее поселение эскимосов. Возраст его — несколько тысяч лет. Здесь переплелись древнеберингоморская, оквинская и пунукская культуры. Поселение удачно располагалось на трех возвышенностях, разделенных оврагами и горными речками. Здесь более

трехсот лет назад, потерпев крушение, высадился Семен Дежнёв, которому на сопке, рядом с Науканом, сооружен памятник.

С Наукана виден берег Аляски (чуть больше восьмидесяти километров) и мыс Принца Уэльского.

С конца XIX века здесь существовало 62 яранги, 21 деревянный дом и 14 землянок. До переселения в Нунымо в Наукане проживали около четырехсот человек. В селении насчитывалось тринадцать родов...»

Впечатление, будто писали книгу все науканцы — живые и ушедшие. Валентине надо было лишь собрать их мысли, воспоминания, запечатлеть уходящие образы. Но это самое «лишь» часто оказывается главным. Именно его-то и не хватает. Ведь на то, что кажется незначительным, не находится ни времени, ни сил. Если же найдется среди нас тот, кто отнесется к этому «лишь» как к чему-то важному, вложит в него душу — получится такое, что не даст исчезнуть нам всем.

Вот воспоминания старейшей из ныне живущих науканских эскимосок — бабушки Етн'эун из рода Ситкунагмит (*«Что танцевали, сидя с перьями на голове»*). Она не помнит дату своего рождения, знает только, что ей восемьдесят пять.

«...Мы всегда много работали. Весной начиналась самая настоящая охотничья страда. Несколько вельботов и байдар выходили в море на охоту. Нас — молодежь и подростков — поднимали спозаранку. Попив чай, мы спускались к кромке. Оттуда волоком перетаскивали добытое мясо на берег, взвешивали его... В Наукане, на склоне горы, было место с глубоким снегом. Там старики выкапывали ямы, примерно три метра глубиной. Мы складывали в эти ямы моржовую кожу с жиром и возвращались к кромке за мясом. Эту работу мы выполняли по несколько суток подряд, так как охотники беспрестанно выгружали все новые и новые туши морского

зверя. Сами охотники мало ели и почти не спали, отчего у них слезились глаза. Но нельзя было упустить благоприятную для охоты погоду и сезонное прохождение моржей с юга на север...»

Наукан находился в живописном месте, у самой горловины Берингова пролива. В книге Валентины Леоновой приводится подробный план селения. Отмечены каждая яранга, каждый дом, расписано, какому роду они принадлежали, указаны даже места стоянки вельботов и имена их владельцев. Помечено, где находились спортивные сооружения. На западном возвышении под номером «один» отмечена школа.

Елизавета Алихановна Добриева, родившаяся в Наукане в 1942 году, вспоминает: «Первые русские учителя давали уроки в большой яранге. Занимались дети как им было удобно: кто лежал на животе, кто сидел на корточках. Позднее построили деревянную школу».

Елизавета Алихановна несколько раз возвращалась к месту расположения Наукана. У эскимосов есть любопытный обычай: если долго не был на родине, то, вернувшись, надо обязательно лечь на землю и совершить три кувырка. Иначе родина не примет. Поэтому даже старики первым делом совершают кувырки. Теперь на месте Наукана остались лишь следы от каменных кладок да ребра гренландского кита, на которые зимой вешали вельботы... Елизавета Алихановна вспоминает, что покидавшие Наукан еще долго кружили у берега, не решаясь отплыть, и даже старики плакали. Она говорит: «Как хорошо, что мой дед и брат умерли к тому времени». А в газетах тогда писали, что науканцы высокомерны, ставят себя выше других, не хотят охотиться, в колхозе работать не могут и вообще отказываются жить в Нунямо вместе с чукчами.

Особенность небольшого оседлого народа состоит в том, что он неотделим от местности, на которой испокон веку живет, к которой приспособился и за которую держится всем существом.

Оторвать науканцев от своего берега и переселить в другое место, пусть в соседнее, — значит разорвать их связь с природой, а по сути — уничтожить. Если с молоком матери эскимос впитал образ жизни охотника, причем именно там, где он родился и где жили его предки, то приспособиться к иной жизни, к другой местности он не сможет. Несмотря на внешнюю схожесть, на кажущееся однообразие уклада, северные народы очень разные. Конечно, тундра соединяет и выравнивает многое в их жизни, но она же и разделяет, делает народы непохожими, отличными друг от друга. Функции каждого рода, семьи и даже отдельного жителя северного поселка — уникальны и незаменимы. Каждый — носитель особых традиций, родовых тайн и присущих только ему навыков, будь то охота, рыболовство, окарауливание оленей или ведение домашнего хозяйства. Так, все наши хозяйки варят борщ, рассольник, гороховый суп, жарят котлеты и пекут пирожки. Но у каждой эти блюда неповторимы и непохожи. Да что там! Даже жареная картошка получается у всех разная. Только полуфабрикат, купленный в универсаме и приготовленный в микроволновой печи, дает одинаковый вкус и потому не почитаем гурманами. Что же говорить о жизни на Севере, где всякий труд — ручной?

В каждом деле, охота ли это на морского зверя или приготовление пищи, пошив одежды или разделка туши, присутствует нечто исконно своё. Так же отличны селения одно от другого и тем более народы, живущие, кажется, рядом. Даже если язык один, могут быть разные понятия об одном и том же слове, разные представления о поступках, о событиях, и в том, в чем одни признают норму, другие увидят нечто из ряда вон выходящее. И упаси Господь навязывать свое, вмешиваться, осуждать и учить.

Взять хотя бы воспоминания Анкауна, охотника, родившегося в Наукане в 1937 году.

«Нам запрещали спать с вытянутыми ногами. Мама или бабушка ударяли по ногам, чтобы я их согнул. Говорили: "Так надо, чтобы не растянуть сухожилия".

В Наукане добывали крабов. Для этого изготавливали специальное *аг'нелгыт* (*удилище*), которое представляло собой камень, обвязанный веревками, с наживкой из хвостиков сайки и кусочков рыбы. Делали по 10-15 лунок, в них опускали *аг'нелгыт*, потихоньку дергали и осторожно вытаскивали. Краб обхватывал камень клешнями, иногда срывался. Тогда рыбак руками подхватывал добычу...

Многие охотники сдавали нерпичий жир в магазин, взамен получали деньги или продукты. Чтобы получить жир, нерпу не обязательно разделывать. Существует и такой способ: нерпу обезглавливали, подвешивали за ласты, затем отбивали ее, не снимая шкуру, до тех пор, пока весь жир не стечет в подставленный сосуд...»

Жестоко обходились с нерпой. Было бы гораздо гуманнее поразить ее током, а затем чтобы интеллигентный мясник в белоснежном фартуке эту нерпу аккуратно разделал. Только не у нас на глазах и не при нашем участии. (Не подобным ли образом обращался с лисицей один просвещенный смешной барон? Только ему нужна была шкура, а не жир.)

А ноги? Как не вытянуть их? Но так учили науканских мальчиков, потому что ноги их — вовсе не те розовенькие и пухленькие ножки, которыми детки ступают по травке. Ноги — главное в жизни охотника. Это достояние семьи, рода, всего племени. Но могу ли я представить, чтобы бабушка ударяла меня по ногам, которые я вытягивал, растворившись в пуховой перине? Поверьте, для бабушки не было большего наказания, чем потревоженный сон её внука. Не говоря о том, чтобы меня ударили... Да у бабушки моей сердце разорвалось бы на части!

Дед Елизаветы Алихановны родился еще в прошлом веке. Он оказался третьим мальчиком в семье. Иметь двоих сыновей было великим счастьем. Но рождение третьего сына было событием, влияющим на расстановку сил в поселке... Отец радовался недолго. Он надел новые нерпичьи штаны, кухлянку и пошел к друзьям отмечать рождение мальчика. По дороге в него стреляли. Услышав крик, жена схватила ружье и поспешила на выручку. Кыльтын (прабабка Елизаветы Алихановны) увидела напавшего на ее мужа и пыталась его застрелить, но оружие дало осечку. Вот как! Рождение третьего сына могло стать причиной расправы над главой семейства. Прямо как на Сицилии, а то и суровее. Оставшись одна, Кыльтын воспитывала сыновей. Довольно сурово. Под стать среде, в которой они жили. Посадит их вокруг деревянного блюда (кайук'ак') и каждому даст по куску мерзлого мяса: оленины, китятины или моржатины. Старшему — большой кусище, среднему — поменьше, а младшему — небольшой: «Грызите!» И они грызли...

Если бы эту трапезу увидели наши миссионеры, они бы ужаснулись и, вернувшись в Европу, написали бы нечто ошеломляющее. Это, в свою очередь, сподвигло бы сердобольных граждан отправиться на помощь эскимосским детям, прихватив конфеты.

Науканских детей выселение не тревожило. Им было даже интересно: куда это взрослые так спешно собираются и к тому же берут их с собой? Они не обращали внимание на слезы стариков, на потухшие глаза родителей, им виделось лишь новое путешествие, которому дети всегда рады. Много позже они поймут, что их лучшее время закончилось, что детство осталось там, в Наукане. Тогда они будут восстанавливать память, вести записи, дневники, и каждое упоминание о родном поселке будет греть им душу. Так Галина Иргуляновна Иргулян вспоминает:

«Наша мама, видимо в воспитательных целях, рассказывала, что у человека, страдающего kleptomанией,

появляется незримый руководитель — Тыгиса. Он управляет человеком, будит его среди ночи: *"Просыпайся, вставай, иди воровать!"* Даже если человек не хочет, по указанию Тыгисы он встает и идет красть. У него появляется зуд к воровству. Про таких говорят: *"тыгиесанук"*. Чтобы этого не случилось, нас учили: *"Не пейте воду тайком: появится тяга к питью. Не ешьте в одиночку: появятся дурные привычки. Только вместе можно садиться за еду"*.

У меня и моих сверстников были мелкие игрушки — *югаг'ат*: камешки, стекляшки, костяные птички, собачки. Во время переезда все осталось в Наукане...»

В 1994 году умерла Изабелла Васильевна Автонова, учительница по трудовому обучению лоринской средней школы. Она также вела записи о Наукане.

«Культура науканцев была с особым национальным колоритом. Существовало много праздников, обрядов, игр. Например, праздники кита — *"Польа"* или *"Первая нерпа мальчика"*. Часто проводились разнообразные игры и состязания, в том числе с эскимосским мячом. Но праздники и игры имели своё время. Законы жизни строго соблюдались.

Народ был выносливый, мужественный. Работали без отпуска и выходных. Особенно трудились в короткое летнее время. Все, кроме грудных детей. Даже старики не сидели без дела. Они мастерили ремни из лахтачьей шкуры, наблюдали за погодой на море, натягивали шкуры нерп, лахтаков и моржей на специальные деревянные сушилки. Старушки нянчили внуков, заготавливали растения на зиму, изготавливали прочные нити из оленьих жил, шили одежду, выделывали шкуры...»

О том, что швейное мастерство науканцев было на высоте, свидетельствуют работы Маргариты Сергеевны Глухих,

знаменитой рукодельницы, чье имя можно отыскать в энциклопедии, посвященной народам России. Она побывала в Канаде, Дании, Норвегии, Гренландии... Аляска — не в счет. И повсюду ее работы признавались лучшими. Маргарита Сергеевна считает, что жизнь в других странах по сравнению с Чукоткой настоящий рай: у каждого машина, катер, а дома какие! Говорит, нигде так плохо не живут, как на Чукотке. Но с декоративно-прикладным искусством там хуже. Изделия из кости или камня еще куда ни шло, а по выделке меха и шитью им до чукотских мастеров далеко.

Маргарита Сергеевна могла бы стать в Канаде или на той же Аляске миллионершей и жить припеваючи, потому что владеет тайнами мастерства, за которое готовы платить огромные деньги. Но Маргарита Сергеевна больше десяти дней в чужих странах не выдерживает. Возвращается из зарубежного рая как с каторги и уже дома, рядом с детьми и внуками, чувствует себя как в раю. Почему же, спрашиваю, мы так устроены, что у нас, в России, и плохо, и холодно, и голодно, а за границей — хорошо, сытно, тепло, и мы это признаем, с этим соглашаемся, но жить там не можем? «Не знаю», — отвечает и смеется. И я не знаю...

Так вот, Маргарита Сергеевна считает действия властей, насильно выселивших науканцев, — «самым большим преступлением». А сам Наукан называет не селом, не поселком, а уютным и красивым городом. Глаза науканской эскимоски загораются, она улыбается, голос становится нежным, лишь только заходит разговор о Наукане. В Лаврентия осталось не больше пятидесяти науканцев. Они часто собираются в Доме культуры, где уже двадцать пять лет существует клуб «*Emtu!*», с эскимосского — «Здравствуй!».

Как и все эскимоски, Маргарита Сергеевна — невысокая, коренастая, очень приветлива, притягательна и невероятно энергична. Вокруг нее всегда люди, с которыми Маргарита Сергеевна проводит занятия, сборы, репетиции, к ней идут старики, молодежь, дети. Она вспоминает, что в Наукане двери

всегда выходили на восток, и дети спрашивали у старших: «Почему дома поставлены так, что в дверь постоянно дует ветер?» И старшие отвечали: «Потому что с этой стороны восходит солнце». По утрам, в хорошую погоду, науканские дети поднимались на скалу. Они видели перед собой пролив, остров Ратманова и берег Аляски, но главное — они встречали солнце. Первыми на Земле!

В Наукане были в почете физкультура и спорт. Этого требовали условия. Поселок располагался на берегу самой узкой части Берингова пролива, и, чтобы преодолевать быстрое течение, охотники должны были обладать недюжинной физической силой. Не только мужчины, но и женщины и девочки занимались бегом, прыжками в высоту, борьбой и стрельбой. Это нужно было уметь не хуже, чем шить или готовить. Неподалеку от Наукана в скале был приспособлен грот для занятий спортом. Старшие учили молодых толкать тяжести, метать камни из пращи, стрелять из рогатки, жонглировать. Играли и в эскимосский хоккей. Формировались две команды. У игроков имелись клюшки из оленьих рогов (*уфсутак*). Вместо шайбы — костяной шар. Уфсутаком гнали шар в сторону соперника и забивали его в некое подобие ворот. В Наукане были настоящие виртуозы этой игры. Я спрашивал, когда возник такой хоккей, но на этот вопрос никто ответить не смог. Может, пятьсот лет назад, может, тысячу, может, две. Тогда еще и Канады не было... Кроме этого, молодых обучали плавать и ходить в тумане и темноте, вести календарь, определять местонахождение по солнцу, а если не было солнца, учили ориентироваться без него. Умели науканцы предсказывать погоду. Этому учили особенно, и даже теперь науканская эскимоска может не хуже метеоцентра определять погоду.

Вернусь к книге о Наукане, к этому печальному и доброму повествованию о дорогих, близких людях и прежде всего о матери Валентины Леоновой — Ирине Андреевне (Эн'эрын), учительнице, хранительнице эскимосской культуры. Она умерла в 1988 году, когда дочери было 27 лет.

«...Когда в детстве у меня болела голова, я брала мамину руку и прикладывала ко лбу. Удивительно, но боль проходила! У нее была легкая рука. За что ни возьмется — приготовление различных блюд, выделка и обработка шкур, шитье — все выходило на славу. С малых лет, как и каждого в Наукане, её приучали к труду. Это воспитание происходило само собой, потому что без помощи детей взрослые не обходились. Подростки становились добытчиками, охотились на мелкую дичь, рыбачили, вместе со старшими выходили в море и обучались искусству охоты.

У девочек были свои обязанности: приготовление пищи, обеспечение водой или льдом, шитье, уход за младшими братьями и сестрами, собирание растений, ягод. Некоторые девочки росли сильными, как моя мама. Эн'эрын таскала тяжелые кожаные мешки с мясом — с берега по крутому склону наверх, в село».

Нет, эта книга даже не о матери. О матери написать невозможно. В этом и состояла главная дилемма: как написать книгу о любимом, дорогом человеке? Ведь слов не найдешь, а те, что выводишь рукой, — кажутся недостаточными. Валентина — молчаливая, редко вступающая в разговор и оттого кажущаяся замкнутой — сотворила чудо: написала книгу для матери. И это лучшее, что она могла сделать в память об Эн'эрын.

Я спросил, отчего в книге нет гнева и даже упрека к тем, кто уничтожил ее родину?

Валентина тихо ответила: «Гнев и упрек предполагают борьбу и противостояние. Но кто с кем будет бороться и кому противостоять?»

А ведь, казалось, спустя сорок лет можно высказаться об этом зле и, пусть вдогонку, назвать виновных в произволе. Но Валентина считает, что этим уже ничего не добьешься, а науканцев — не вернешь.

Действительно, книга, лишённая гнева, пусть и праведного, только выигрывает. Валентина надеется передать потомкам не гнев и ненависть, а любовь и память. Они будут понятны и близки. К тому же восстанавливать справедливость, если уж об этом речь, необходимо нам, русским, народу, ответственному за все, что сотворено нами (или от нашего имени) на огромном пространстве, именуемом Россией.

О том, сколь далеки мы от этого, сколь неподъёмен для нас груз покаяния, можно судить, просмотрев очередной выпуск теленовостей...

Итак, жили люди. Трудились, отмечали праздники, влюблялись, женились, рожали детей, растили их... Все это происходило в продолжение тысячелетий, на исконно своей земле, без посягательств на земли чужие, без угрозы нарушить миропорядок, находясь к тому же в стороне от этого самого мира.

Затем к ним пришла цивилизация. Сначала американская, потом российская, которую вскоре сменила советская. Прибывшие были немало шокированы увиденным. Началась работа по «улучшению жизни» и прежде всего борьба с шаманами. Ритуальные принадлежности и реликвии, передаваемые из поколения в поколение, были сожжены, а сами шаманы уничтожены. Вместо них заботу о духовном воспитании эскимосов взяла на себя наша интеллигенция, которая день и ночь внедряла свой образ жизни и свои представления о мироздании. Прodelывали это с тем неистовством, старанием и энтузиазмом, которые были свойственны поколению идеалистов и мечтателей и о которых была сложена не одна песня. В эскимосах, как, впрочем, и в чукчах, видели не равных себе людей, а некую биосистему, не самостоятельный народ, проживший в прибрежной тундре несколько тысячелетий, а необразованный, грязный и некультурный сброд, живущий не так, как следует жить при социализме.

Новая власть, преследуя шаманов, представляла их ворами и жуликами. Но шаманы были самыми почитаемыми, уважаемыми и мудрыми в тундре. Они предсказывали погоду, знали, будет ли штормить море, предупреждали о приближении пурги, сообщали, с какой стороны ждать ветра. Они лечили, и зачастую только их вмешательство спасало жизнь. Шаманство было важнейшей составной частью образа жизни и быта северных народов. Именно поэтому шаманов вылавливали, заключали в тюрьмы, топили. На мысе Верховского, на пограничной заставе, их расстреливали, а трупы даже не подбирали, и их смывало в море.

Быть может, не такая уж большая разница между тем, что происходило в далеком Наукане, и тем, что творилось в тверских, пензенских и нижегородских селах. И там старожилы могут рассказать такое, что волосы встанут дыбом. Различие в том, что в тундре жизненный уклад никогда не менялся. Он оставался первобытным. Этот быт можно с легкостью разложить и уничтожить, но изменить, приспособить под себя, подчинить своим представлениям — нельзя. Уклад народов Севера — неменяем, и понимание этой истины было бы величайшим актом гуманизма по отношению к маленьким и мужественным народам, населяющим тундру.

Вот документ, который не представлен в книге о Наукане. Среди множества оттенков на лукавом лице совдепии — есть и такой.

СЛУШАЛИ ВОПРОС: О ликвидации Науканского сельского
Совета депутатов трудящихся Чукотского района.

РЕШЕНИЕ N 165
Принято 20 ноября 1958 г.

В связи с объединением колхозов «Ленинский путь» и «Красная заря» в один укрупненный колхоз «Ленинский путь» с центральной усадьбой в с.Нунямо, произошло переселение

жителей из с.Наукан в с.Нунямо, в результате чего в Науканском сельсовете в настоящее время осталось лишь 5 человек жителей.

Исполнительный комитет Чукотского районного Совета депутатов трудящихся

Р Е Ш И Л:

1. Упразднить Науканский сельский Совет в связи с выездом населения из с.Наукан в с.Нунямо.

2. Территорию Науканского сельского Совета присоединить к административной территории Уэленского сельского Совета.

3. Просить Чукотский окрисполком утвердить настоящее решение.

Прочтите внимательнее. Что ни слово — подлый и циничный обман. Что ни фраза — наш российский позор и наша вина. Сначала (еще в 1954 году) было распоряжение, скорее всего секретное, о том, что надо людей отсюда убрать, что нехорошо им жить здесь, в стратегически важном месте, на виду у американцев, в то время как усиливается противостояние двух сверхдержав. Не эскимосы, а ракеты должны находиться здесь и целиться на проклятый Запад, через Восток. Вот в чем дело! А науканцам, этим необразованным и некультурным существам, надо объяснить, что поселок их расположен в сейсмически опасном месте, что скалы, у подножия которых находится Наукан, вот-вот упадут; что сопки, которые высятся над поселком, вскоре начнут извергаться, и тогда произойдет то же, что и с Помпеями... Приезжали ученые-агитаторы и с пеной у рта доказывали науканцам, что жить здесь нельзя. Указывая на гору Ингегрук, на которой установлен бюст Семену Дежнёву, говорили про трещины и разломы, из-за которых поселок не сегодня-завтра смоеет в море. И люди, тщедушные, наивные, но далеко не глупые, слушали этот вздор, прекрасно понимая, в чем дело. Затем им долго и нудно растолковывали про «укрупнение», про реформирование и непременно улучшение — словом, несли бред, в который и сами не верили. Наконец, была дана команда срочно очистить территорию.

Уезжали семьями, но не все сразу. Вельботов не хватало. Каждый род мог выбирать, куда ехать: в Уэлен, в Лаврентия или в Инчоун. Начальство стремилось всех переселить в Нунямо. Но в этом поселке испокон веков жили чукчи, и там переселенцам предоставлялась лишь вспомогательная работа, к их прежней жизни отношения не имеющая. А что значит для охотника — стать кочегаром или мусорщиком? Впрочем, уже и самого Нунямо давно нет...

И вот, когда всех выселили и по оставленному поселку загулял холодный осенний ветер, загоня волны на пустынный берег, «подоспело» постановление Совета депутатов трудящихся с мертвецки казенным «СЛУШАЛИ... ПОСТАНОВИЛИ...». Мол, что же нам, депутатам, делать, если люди снялись с мест, сели в лодки и отплыли в «Ленинский путь»? Как быть, если в Наукане остались всего «5 человек жителей»? Только и остается его упразднить своим авторитетным решением. Председатель колхоза Е.Ф.Зеленская была награждена орденом Ленина. Кто после этого скажет, что ордена давались напрасно?

И я не иронизирую. Что мы знаем о том времени? Ведь не председатель самого крайнего на свете колхоза вершил дела. Быть может, если бы не Зеленская, переселенцы из Наукана и вовсе погибли. Кто сейчас разберет?

...Елизавета Алихановна Добриева рассказывает, что ее тетя была шаманкой и повитухой, и будто она помнит тетин голос с самого рождения. Приняв роды, тетя положила только что родившуюся девочку в мешок из шкур, стала ее качать и напевать нежную и грустную песню.

Когда Елизавета подросла, она услышала эту песню и тотчас узнала голос тети. Это была старинная песня, слова и мелодию которой передают из поколения в поколение и которую знает каждый науканский эскимос. Это гимн Наукана — неумирающая гармония, соединяющая людей, по злой воле лишившихся родины. Вот парадокс: крохотного селения давно нет, а гимн его живет, и

есть огромная, на полмира растянувшаяся держава — но имеет ли она свой гимн?

Мне так захотелось услышать эту песню, что я попросил Елизавету Алихановну и Валентину спеть. Они посмотрели друг на друга, как бы договариваясь, а затем тихо, в унисон, запели...

*Нани тук атуг'лаку?
Мани ка Нувуками!
Аия-йя-аа-на,
Аия-йя-аа-на-ия...*

*Инг'эг'рум кайнани ысхакахпут
Масах'мук нуг'ылг'э нутан куянаха!
Аия-йя-аа-на,
Аия-йя-аа-на-ия...*

*Где же мне петь эту песню?
Здесь, в Наукане!
Аия-йя-аа-на,
Аия-йя-аа-на-ия...*

*На вершине горы Ингегрук,
Там, где начинается Земля,
Там, где люди встречают Солнце!
Аия-йя-аа-на,
Аия-йя-аа-на-ия...*

* * *

В 1996 году учащиеся лаврентьевской средней школы — Ю.Платов, В.Григоренко и Д.Малевский — составили проект возрождения Наукана. В нем предлагается строительство нового города с жилыми домами, детским садом, школой, больницей. В Новом Наукане предполагается открыть производство по переработке морского зверя, фабрику по пошиву меховой одежды, жиротопный цех и косторезную мастерскую. В Наукане должны

быть открыты магазины, почта, радио и телеузел — словом, все необходимое для полноценной жизни. Авторы разработали детальный проект, просчитали количество средств, подробно изложили идею коммунального обеспечения, спроектировали дорогу до Уэлена и рассчитали затраты на её строительство. Они предлагают планы и расчеты по использованию дежневских горячих источников. В проекте утверждается: «При наличии дороги в Уэлен источники могут служить оздоровлению населения. Впоследствии источники станут туристической базой, где будут принимать отечественных и зарубежных туристов. Там же можно создать теплицы для выращивания овощей». И ещё много в проекте написано такого, при чтении чего вспоминается лозунг студентов Сорбонны бурных шестидесятых: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!»

С того времени как ученики написали проект, прошло четыре года. Увы, документ находится не в институте развития Чукотки, не в плановом отделе окружной администрации, а в методическом кабинете отдела образования, рядом со школой, из стен которой вышел. Дай Бог этому проекту оказаться хотя бы в местном краеведческом музее.

Из книги Гартвига «Природа и человек на Крайнем Севере», М., 1866 г.:

«...Охота на моржей страшно опасна, когда зима своими холодами, мраком и бурями завладеет всею. Въ это время года, чтобы спасти отъ голода всю общину, два Эскимоса — Аваклокъ и Мынукъ — решились отыскивать моржей на открытомъ льду. Они знали опасность, но лучше они хотели подвергнуться ей, чемъ пожертвовать собаками, и оба

Эскимоса въ высшей степени обладали стоическимъ фатализмомъ дикарей.

Эскимосамъ удалось убить большаго зверя, какъ вдругъ северный ветеръ погналъ ледъ. Первымъ порывомъ европейцевъ было бы броситься къ твердой земле — но знали Эскимосы, что пловучіе льды всего опаснее около береговъ, и потому они бросились съ своіми собаками на ближайшую ледяную гору. Это было въ декабре, подь ущербъ луны (*убыль, состояніе и пора [две недели], отъ полнолунія до новолунія — В.Даль*), и буря покрывала все глубокимъ мракомъ. Эскимосы привязали своіхъ собакъ къ ледянымъ остріямъ, а сами легли на ледъ, чтобы не смело ихъ ветромъ. Сначала морской прибой обливалъ ихъ, но они всползли на более высокую поверхность и построили себе родъ загородокъ изо льда. На пятую ночь, по ихъ счету, Мынукъ отморозилъ ногу, а Аваклокъ потерялъ большой палецъ на ноге. Но не потеряли они бодрости и питались моржемъ, между темъ льдина медленно неслась къ югу. Подь ущербъ второй луны, пробывъ на льдине целый мѣсяцъ и проживъ такъ, какъ только железные люди прожить могутъ, наконецъ выбросило ледяную гору на берегъ.

Охотники возвратились въ свою деревню, где ихъ встретили, какъ будто вставшихъ изъ гроба, но где имъ пришлось еще разъ испытать нужду и голодъ...»

Постановление общего собрания жителей с.Наукан

о подписке на Третий государственный заем
индустриализации страны и протесте
против провокаций китайской военщины на КВЖД

29 августа 1929 г.

а) Общее собрание граждан с.Наукан одобряет взятую Советской властью и Коммунистической партией линию на выпуск Третьего государственного займа индустриализации.

б) Против провокаций на КВЖД китайских властей мы, граждане с.Наукан, тоже выносим протест.

в) И в ответ проводим подписку на Третий заем индустриализации всем с.Наукан с таким расчетом, чтобы каждая яранга подписалась не меньше как на 25 руб., а больше — кто желает.

г) Провести подписку на заем сразу после собрания.

Председатель АКРАХТАК
Секретарь РУЛЬТЕН

ЫТВЫТКОГЫРГЫН ЫКЫНИН

20 майтагнэпы 3 июнтагнэты гыниин'ытыле Ыкыникганмыленат 14 рыкат. 61 унэлти, 54 мэмылтэ. Комсомол бригада ынкам бригада т.Омрыгыргынэн ам — 5 рыкатэ ганмыленат. Ымылэ 4 тылечыт нымэлэв иымигчирэткинэт. Мылынкав бригада нывылеткинэт тыленэн'этэ сама тева.

ТЕГРЕЛЬКУТ,
«Советский Уэлен». 20 июня, 1945 г.